

УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС

движение к нестационарной системе мировых связей

Александр Неклесса

В последнее время все чаще приходится задумываться над вопросом: замкнута ли человеческая история в триаде «дикость - варварство - цивилизация» или же возможно какое-то иное, четвертое, состояние общества, своего рода постцивилизация? В этом случае процессы глобальной трансформации должны иметь некий объединяющий их исторический вектор, а не сводиться к простой сумме ситуаций развития и уплощения социального космоса.

Что, в конце концов, происходит в сфере международных отношений: созидание или разрушение, прорыв в будущее или провал в прошлое, повышается или понижается на планете градус цивилизации? Вот, пожалуй, центральные вопросы, интригующие и завораживающие тех, кто занимается современной «игрой в бисер» - вычерчиванием социальной картографии политического театра действий наступившего века. То, что мир уже никогда не будет таким, каким он был или казался в прошлом столетии, постепенно становится очевидным. Новые ценности, принципы управления и организационные схемы подрывают привычные коды власти, разрушая прежние институты. Однако дизайн социополитических карт XXI века все еще весьма неточен, расплывчат, порой двусмысленен. На их виртуальных листах видны одновременно и контуры «великой суши» Четвертого Рима - грандиозной системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти, и волнистые линии «мирового океана» - нестационарной, турбулентной системы международных связей.

Чтобы не быть голословным перечислю некоторые актуальные проблемы, связанные с происходящей трансформацией мирового контекста: перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень; появление новых субъектов власти, таких как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции; транснационализация элит и появление новой социальной общности - мирового Севера при параллельной глобализации альтернативного пространства мирового Юга (включая «варваризацию Севера»); слияние политических и экономических функций в сов-

ременном мире, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления пространственная локализация (географическая и трансгеографическая) различных видов хозяйственной деятельности, появление новой формы мирового разделения труда, перераспределение мирового дохода и взимание «глобальной ренты», выстраивание геэкономического универсума; феномен страны-системы; деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных «договоренностей» вместо полноценных договоров; наметившиеся горизонты «судейской власти»; развитие транснациональных сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом.

Неурегулированные до конца конфликты с внешним участием - а тут можно вспомнить и Ирак, и Боснию, и Косово, и Афганистан, и другие, менее памятные ситуации - постепенно выстраиваются в единый типологический ряд, образуя кромку новой реальности: мира контролируемого и управляемого хаоса. Так что камзол нового мирового порядка, возможно, имеет скрытую до времени дырявую подкладку - ткань мировой анархии.

1. Картография перемен

«Времена, в которые мы живем, полны угроз и опасностей. Но мы настолько занялись собственными делами, что, в конце концов, утратили представление о сложности окружающего нас мира... В истории трудно найти другой период, когда люди смотрели бы в будущее с такой неподдельной тревогой. В самом деле, это похоже на возврат к Средним векам, когда разум человека был объят страхом перед наступлением нового тысячелетия...» [1, с. 319]. Слова, процитированные выше, принадлежат Ауреллио Печчеи, основателю и первому президенту «Римского клуба». Они были написаны еще в середине 60-х годов прошлого века, как раз накануне «вступления в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (З.Бжезинский), «великого перелома» (Р.Диес-Хохлайтнер) или даже «мировой революции» (И.Валлерстайн). Это время - рубеж 60-70-х гг. - стало эпицентром социокультурной революции, обозначившей границу взлета и падения протестантской версии мира.

И одновременно - выхода на поверхность, социальной реабилитации многочисленных подспудных течений. Уже тогда разгорались дискуссии о горизонтах цивилизации, о необходимости внесения корректив в стратегию ее развития, о стоящих перед человечеством глобальных проблемах, о конфигурации социального космоса и типологии грядущего мироустройства.

В постпротестантском космосе стерилизованная секулярность, светскость *per se*, предстает не оболочкой, но наследницей идеалов протестантизма, культурной основой цивилизации, ее своеобразной осью и пределом. Будучи носителем политической корректной, внеинституциональной, индивидуализированной версии христианской культуры и соответствующего цивилизационного содержания (если не идеала), секулярность вместе с тем является - на очертившихся глобальных просторах - мировоззрением, так сказать, неосновательным, синкретичным и по-своему хрупким. Пребывая в состоянии фактической утраты своих оригинальных начал, полу-добровольно наложенного на них «эмбарго», она подвергается интенсивному размыванию со стороны разнообразных модификаций неоязычества и традиционализма, не имея при этом ни соответствующего иммунитета, ни энтузиазма прежних эпох. Параллельно все явственнее присутствие бродильного элемента иного, подавленного в прошлом универсализма, претендующего стать творческим ферментом нового мира. И как результат, на планете обнаруживаются ростки иной, уже и не христианской, и не секулярной версии цивилизации.

После политической и культурной деколонизации Не-Запада, образования эклектичного пространства Третьего мира семантика глобальной революции реализует себя как «социокультурная деколонизация» самого Запада, отмеченная, в числе других черт, элементами прямого и косвенного демонтажа прежней культурной конструкции, де-христианизации и квази-ориентализации. Культурно-политическая («горизонтальная») оппозиция «Запад-Восток» дополнилась во второй половине XX в. социальной вертикалью «Север-Юг» с последующим расширением этих пространств за пределы собственно географической локализации, очерчивая транснациональные ареалы «мирового Севера» и «мирового Юга».

На рубеже веков о контурах новой цивилизации, о своем видении будущего сочли необходимым высказаться многие из ведущих исследователей социальной перспективы: Э.Торфлер, Дж.Гэлбрайт, И.Валлерстайн, М.Кастельс, С.Хантингтон, Дж.Несбит, З.Бжезинский, А.Турен, Э.Люттвак, Л.Туроу, А.Этциони, П.Дракер, Ф.Фукуяма, Э.Гидденс, Г.Киссинджер, П.Бьюкенен и другие. Среди дискуссионных проблем такие ключевые феномены, как глобализация, социальный постмодерн, новый мировой порядок, хозяйственная трансформация мира, интенсивное развитие информационной экономики (или, как ее стали определять, *knowledge-based economy*), системный терроризм.

В последние годы публиковалось значительное число работ об азиат-

ско-тихоокеанском регионе, о становлении на просторах Восточной и Юго-Восточной Азии комплементарного пространства индустриальной цивилизации - Нового Востока, о нарастающей дисперсии власти, о росте влияния деструктивных, террористических организаций, о расширении границ мирового андеграунда и всего трансрегионального архипелага Глубокого Юга [2]. Процессы, разворачивающиеся на планете вряд ли можно счесть однозначными, тем более легко прочитываемыми. Социальные, политические, экономические мутации образуют семантические конструкции, структура звеньев которых в каждом отдельном случае может быть ясна, но общий смысл остается темен, а механизм действия нередко обескураживает. Возникающий миропорядок, кажется, требует изменения самого фокуса социального анализа, переосмысления основ политической философии. Общественному сознанию нужны иные оси социальных координат вместо достаточно плоских бинарных оппозиций «капитализм» - «социализм», «тоталитаризм» - «демократия» или даже «Север - Юг».

С учетом обозначенных тенденций я бы выделил следующие актуальные аспекты анализа глобальной трансформации: цивилизационная динамика на рубеже тысячелетий; трансформации, происходящие в сфере международных отношений; изменения структур управления и генезис новых оргструктур. Если обобщить мнения, высказываемые сегодня в интеллектуальном сообществе об исторических перспективах, о цивилизационной динамике, о процессах, протекающих в социальном космосе, то весьма разнообразные точки зрения могут быть, пожалуй, сведены к трем позициям.

Первая из них достаточно проста. Ее смысл может показаться даже парадоксальным - в мире, по большому счету, ничего принципиально нового не происходит. В частности, непосредственно после событий 11 сентября в газете «*Wall Street Journal*» появилась статья Френсиса Фукуямы, суть которой в том, что трагические и турбулентные события последнего времени, в конечном счете, отражают последовательное продвижение в будущее локомотива Модернити, акселерацию процесса модернизации в мировом сообществе. И те негативные явления, с которыми мы сталкиваемся, - это своего рода издержки процесса, который развивается весьма и весьма интенсивно.

Вторая позиция заключается в том, что на планете происходят серьезные и, прежде всего, - качественные изменения. Что процесс модернизации в его фундаментальном смысле, в первоначальном значении этого понятия, зашел в тупик. В мире же развивается качественно иной процесс, чаще всего определяемый как «социальный постмодерн», проявляющийся то как культурно-цивилизационная полифония, то как более-менее завуалирован-

ная демодернизация, а в своем экстремальном аспекте - как процесс неоарханизации мира. Этот взгляд на современную реальность отчасти отражен в концепции Сэмюэля Хантингтона, поскольку речь в ней идет о столкновении различных систем ценностей (культура Модернити - лишь одна из них), о глобальном, «горизонтальном» столкновении существующих цивилизаций.

Данному суждению, однако, свойственна, на мой взгляд, некоторая неполнота. В драматичных событиях последнего времени проступает единый контур какой-то целостной, хотя и не слишком внятной пока системы ценностей. Причем эта социокультурная феноменология не сводима к какой-либо хорошо известной и исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. То есть, не исключено, что, находясь на самой кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении некой оригинальной цивилизационной альтернативы. Но в таком случае - и это составляет суть третьей позиции (которой я придерживаюсь) - происходящие в настоящее время события есть не что иное как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций.

Столкновение современного мира не с теми культурами, которые хорошо нам известны и существуют на планете в проявленном виде, но с некой тенью, «призраком» цивилизации, нависающей из будущего. Хотя, конечно же, в социальном космосе - по сравнению, скажем с космосом физическим - говорить о предсуществовании будущего всегда несколько проблематично.

Иначе говоря, вместо оптимистичного сценария благостного конца истории или пессимистичного - планетарного столкновения цивилизаций, мы воочию наблюдаем смещение времен и «вертикальный» цивилизационный разлом, сквозь трещину которого проглядывает новый мир, со своим культурным языком, законами и логикой социального бытия, собственной шкалой ценностей [3].

Трагической осенью 2001г. 43-й президент США Джордж Буш-младший в своем обращении к нации заявил, что вместо «общества потребителей, настроенных только на личный успех и растущий заработок», он хотел бы видеть Америку «повзрослевшей, сплоченной, ответственной и готовой действовать» [4]. События 11 сентября отчетливо продемонстрировали, что социальная механика Старого мира, реализовав проект создания на земле - пусть в ограниченном масштабе - «позолоченного века», терпит, тем не менее, фиаско, оказавшись не в состоянии разрешить центральный вопрос: о человеческой свободе и ее горизонтах. И как результат - не может предло-

жить обществу пути обеспечения безопасности, не превращающие членов этого общества в заложников той или иной тоталитарной или деструктивной тенденции.

Соединенные Штаты на сегодняшний день самая мощная страна (страна-система) в мире, «господствующая мировая держава», по выражению госсекретаря США Колина Пауэлла. Это своего рода Новый Рим, «глобальный город», окруженный множасьими вокруг него провинциями, нациями-клиентами, варварскими территориями. С каждым годом альянсы на данную тему становятся более яркими и емкими: принятие ключевых в сфере мировой политики решений, война, введущаяся руками варварских армий, союзников и наемников, императорские полномочия консула-президента, зона национальных интересов, простирающаяся на всю доступную Ойкумену... (Не так давно в статье на военную тему, опубликованной в одном из американских журналов, встретилаься ясно сформулированная мысль: «забота о национальной безопасности ... сегодня предполагает не столько оборону самой страны, сколько охрану и продвижение ее расширяющихся интересов по всему миру».[5, с. 27])

Вместе с тем Америка видит для себя и определенный критический горизонт. В качестве конкретных сроков называются 2015-2020 гг. (но подчас и более ранние, и более поздние рубежи), когда положение США может стать менее благоприятным. При одном условии: если не действовать на опережение негативных тенденций и событий, но именно поэтому, если действовать, то - сейчас. Горизонт и устойчивость инерционного прогноза в турбулентной среде весьма невелики. Сегодня многие испытанные временем алгоритмы стратегического анализа и планирования не работают или работают недолжным образом. Америка, судя по всему, лучше других понимает это изменившееся положение вещей, что подтверждается ее действиями, которые, если обобщить происходящее, являются активной политикой, нацеленной на опережение событий.

Так, порой высказывается мнение, что в Афганистане была выиграна, в сущности, бесперспективная для США война. Однако, не исключено, что действия, начатые в этой стране, вообще не имеют временной границы. В определенном смысле они важны не сами по себе, но как часть стратегического дизайна, представляя звенья, «опорные площадки» выстраиваемой системы управления турбулентными процессами на планете, которая идет на смену прежней структуре международных связей. Так что, возможно, для США важна не полная и окончательная победа в том или ином конфликте, а нечто иное. Перед Америкой стоит более серьезная задача, которая и ре-

шается на практике, - создание мировой структуры управления, о чем, учитывая специфику журнала, хотелось бы поразмышлять подробнее. Я бы назвал ее глобальной динамичной системой мировых связей (*dynamic intraglobal relations*) для того, чтобы отличить от прежней сбалансированной и стационарной международной системы (*balanced international relations*).

2. Поствестфальская система

Итак, на планете складывается поствестфальская система мировых связей, и то, что мы понимали под международными отношениями еще лет десять назад, в настоящий момент фактически не существует. В новой системе, помимо многочисленных частных изменений, происходит мутация самой номенклатуры международных связей, понимаемых как *inter-national relations*, т.е. как отношения между национальными государствами (этого специфического продукта эпохи Модернити), как система их взаимоотношений и сфера исключительной компетенции. Расширение семантики международных связей в Новом мире отражает становление иной, целостной и глобальной структуры управления, которая представляет заметно более диверсифицированную систему взаимодействия разнообразных источников (субъектов) глобального влияния различного уровня компетенции - *intra-global relations*. Иначе говоря, - новый обитаемый космос весьма пестрых субъектов международных отношений, хотя и не всегда международного права. Международные отношения перестают быть сферой, где формально равные и суверенные члены выстраивают коалиции, а также взаимоотношения этих коалиций. Теперь мы имеем дело с новым явлением, когда возникающая глобальная иерархия, утверждает действенный институт международных регулирующих органов («глобальная держава», Большая семерка, НАТО и т.п.), формируя при этом на противоположном полюсе отверженное племя государств-париев. Подобная структура международных связей означает радикальный разрыв с логикой модернизации и основами социального менталитета Нового времени, поскольку мы имеем рецидив конструкций, характерных, скорее, для сословного, «феодалного» мира.

Действительно, логика взаимодействия внутри нарождающегося универсума заметно отличается от организационных начал уходящего мира. Поствестфальская система декларирует (с одной стороны) верховный суверенитет человеческой личности, главенство прав человека над национальным суверенитетом. Демократическая формула организации общества признается теперь интегральной и неотъемлемой частью международной системы безопасности. С другой стороны, в международно-правовом универсуме все

чаще проявляются тенденции, при реализации которых позиция защиты прав человека служит лишь своеобразной дымовой завесой и, одновременно, эффективным инструментом для достижения иных целей. Иначе говоря, из декларированной гуманистической иерархии смыслов проистекают порой коллизии, в которых проступают черты альтернативной, быть может, менее внятной, но от этого отнюдь не менее действенной иерархии.

Вектор подобной мутации, словно в лабораторной реторте, проявился, к примеру, в ходе всех стадий Балканского кризиса (Босния, Сербия, Македония). На примере данного кризиса, равно как и ситуаций, складывавшихся в различное время вокруг Ирака, Северной Кореи, Ирана, Ливии, Судана, Афганистана или, скажем, Панамы, Гренады, Гаити, Восточного Тимора, становится очевидным, что изменения носят не случайный, а структурный, типологический характер. Складывается ощущение, что мир приближается к краху прежней системы международных отношений и переходу к их новой формуле.

Практические начала нового строя обнаруживаются как в расширении номенклатуры субъектов международных отношений, так и в закреплении их неравенства при формировании данных связей. Ключевой постулат поствестфальской системы - избирательная легитимность, что само по себе предполагает наличие властной элиты, санкционирующей легитимность, а также - особой группы стран-изгоев с ограниченным суверенитетом. Следует упомянуть и тенденцию к диффузии эффективной власти, проявившуюся, в частности, в феномене «обанкротившихся государств», глобальном расширении пространства мирового андеграунда.

Представление о возможном характере дальнейших шагов по реализации поствестфальских принципов дает следующее рассуждение известного футуролога, члена Римского клуба Эрвина Ласло: «Как показывает опыт Объединенных Наций, система принятия решений в мировой политике, где доминирующее положение занимают нации-государства, весьма громоздка... Вера в то, что национальная безопасность требует мощных национальных сил обороны, устарела в той же мере, что и вера в безграничный национальный суверенитет. При пересмотре этих мифов в контексте возникающей в настоящее время глобальной мировой системы становится ясно, что во многих случаях национальная безопасность может быть более надежно обеспечена региональным пактом об обороне, подкрепляемым созданием совместных оборонительных сил, чем национальными армиями, находящимися под командованием центрального правительства... Миф о национальном суверенитете продолжает оказывать свое воздействие, хотя объединенные миро-

творческие силы ООН доказали свою эффективность в некоторых «горячих точках» земного шара. Участие в совместных миротворческих силах избавило бы национальную экономику от непосильного бремени поддержания дорогостоящей армии и позволило бы правительству использовать высвободившиеся человеческие и финансовые ресурсы для более продуктивных целей» [6].

Конструкция одного из важнейших элементов поствестфальской системы - феномена международных регулирующих органов (МРО), проявившегося в XX в. сначала в виде Лиги Наций, а затем ООН, - предполагала делегирование МРО отдельных элементов национальной власти, прежде всего в сфере безопасности. К концу столетия, однако, возникает новое поколение регулирующих органов, элитарных, а не эгалитарных. Отметим в этой связи фактическое вытеснение универсальной ООН механизмом совещаний Большой Семерки в качестве ведущего института Нового мира или, скажем, маргинализацию такой региональной структуры с широким членством, как ОБСЕ, в пользу гораздо более эксклюзивной по составу организацией Североатлантического договора. Параллельно растет роль специализированных международных экономических институтов (МВФ, МБРР, ВТО и др.) при снижении роли голосования по формуле «одна страна - один голос» (в частности, за счет альтернативного принципа «один доллар - один голос»), а также распространении косвенных, консенсусных и неформальных процедур принятия решений.

Характерные черты поствестфальской системы - ее гибкость и нестационарность, предполагающие перманентную турбулентность мировой среды и весьма специфичный режим «управляемого хаоса». В этих условиях стабильность начинает пониматься не как статичная, а как динамичная категория, определяющее свойство которой - опережение негативного развития событий, их превентивное регулирование. Так, если проанализировать типологический ряд конфликтов последнего времени, то обращает внимание следующее обстоятельство: ни один из них так до конца и не был урегулирован, и, тем не менее, количество подобных ситуаций растет. Закономерно возникает мысль, а заложена ли вообще в качестве стратегического целеполагания идея урегулировать эти конфликты? Или же имеет место реализация новой логики поддержания стратегической стабильности в желаемом ключе - логики глобального управления как свободы перманентного и произвольного регулирования значимых событий.

Активно формируется также поствестфальская международно-правовая парадигма, закрепляющая в общественном сознании и в пространстве

международных отношений «новый обычай» в качестве специфической нормы своеобразного протоправа. Его характерные черты - нечеткость законодательной базы, превалирование властной политической инициативы над юридически закрепленными полномочиями и сложившимися формами поведения государств на международной арене (важность этого фактора усиливается значением прецедента в англосаксонской правовой культуре), неформальный характер ряда влиятельных организаций, анонимность и принципиальная непубличность значительной части принимаемых решений и т.п.

Новацией последнего времени, в контексте господства норм международного права над национальным законодательством, является планомерно выстраиваемая практика судебного преследования со стороны международных и иностранных органов правосудия отставных и даже действующих глав государств, а также иных лиц, занимающих высокие государственные посты. Кроме того, множатся попытки национальных судебных органов принимать решения, обязательные для исполнения иностранными государствами и международными организациями. Примером действий такого рода, воспринимаемым пока как курьез, является, в частности, принятие в начале 2001г. одним из американских судов (если не ошибаюсь, судом штата Алабама) решения, запрещающего ОПЕК производить манипуляции с ценами на нефть. Со временем судебная ветвь власти может занять совершенно особое положение в Новом мире, трансформировавшись во власть транснациональную, в отличие от «провинциальных» институтов исполнительной и законодательной власти, тесно связанных с национальной территорией.

3. Глобальная трансформация

Кризис культуры Большого Модерна назревал не одно десятилетие, весь XX век прошел под знаком поиска нового миропорядка. При этом триада социальных проектов века - коммунизм, фашизм, глобализм, - заменив собою религиозные ереси и конфликты былых столетий, по мере разворачивания проявляли внутреннюю ущербность, на глазах современников преобразаясь из утопий в антиутопии. В нынешнем футурологическом сундуке «Пандора-21» постепенно накапливается критическая масса неприятных сюрпризов: умело сдерживаемая тенденция к развитию глобального финансово-экономического кризиса с последующим изменением социополитической конфигурации планеты; перспективы социального расслоения мира, автаркичной регионализации либо прямой неоархаизации его сегментов; возможность контрнаступления мобилизационных проектов и возникновения принципиально иных идеологических конструкций; формирование

новой географии конфликтов и распространение «войн за ресурсы»; радикальный отход некоторых ядерных держав от существующих правил игры, более свободное применение современных военных средств, в том числе в качестве репрессалий; демонстрационное использование оружия массового поражения, прямая угроза его применения; растущая вероятность региональных ядерных конфликтов в странах Третьего мира, либо той или иной формы инцидента с оружием массового поражения (как ядерного, так и радиологического, химического, бактериологического) в странах Севера; превращение терроризма в международную систему, транснационализация и глобализация асоциальных и криминальных структур; центробежная, универсальная децентрализация международного сообщества.

Сейчас, по мере развертывания комплексной акции по установлению нового миропорядка и глобальной системы безопасности, можно также предвидеть появление новых форм развития кризисов и урегулирования конфликтов, связанных с трансформацией, взломом прежней системы социальной регуляции, с возросшей турбулентностью эклектичного пространства мирового андеграунда, с меняющейся логикой применения силы.

Как отмечалось выше, диапазон прочтений картографии формирующегося мира необычайно широк (что отражает возросшую полифонию человеческой свободы), и на пороге XXI в. можно разглядеть перспективы, ранее неведомые историческому взору. Так, к примеру, террористическая активность, индивидуальный акт деструкции, возможно, становится устойчивым компонентом жизни в этом мире, являясь своего рода извращенным проявлением тех же тенденций цивилизации к децентрализации и индивидуальной свободе, которые лежат в основе феномена гражданского общества.

Это и есть порой некий обугленный остов обостренной социальной инициативы в тотально недоброжелательной или агрессивной среде, а равно и в коренным образом изменившихся обстоятельствах существования, в новой просторности глобального мира, в резко возросших возможностях реализации внутреннего выбора индивида. Недостойные человека - по тем или иным причинам - условия жизни продуцируют два вектора деятельности: конструктивного изменения ситуации либо ее разрешения путем целенаправленной деструкции. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная амбициями и социальным инстинктом, неполноте бытия подчас предпочитает его уничтожение. Она сама отчуждает жестокий и недоброжелательный мир от бытия, пусть даже ценой аннигиляционной вспышки... Дело здесь, таким образом, не в полной смене исторического кода, а скорее в смещении направления его вектора - к деструкции и аномии

как сознательному выбору некоторой части человечества. Это, конечно же, иной, «опрокинутый», модус цивилизации, лишенный определенных нравственных границ. Отвергнув ранее авторитаризм и патернализм религии ради обретения совершеннолетия и личной свободы, современное массовое общество, кажется, склонно теперь обменять завоеванную, но оказавшуюся столь обременительной и связанной со смертельным риском свободу на изрядную толику иллюзий, персональный комфорт и безопасность. В подобных условиях на историческую арену и выходит новый, «системный» терроризм: система точечных, но высокоэффективных акций, обладающих эффектом резонанса - широкого, долговременного, хорошо просчитанного последствия. Речь, по сути, идет о специфическом инструменте частного управления обществом со стороны влиятельных, но безликих организаций - этой аморфной и эклектичной «власти без государства», оперирующей транснациональными «эскадронами смерти». Между тем, элементы высокоорганизованного общества начинают систематически выходить из-под контроля и распадаться, обращившись к человеку своей теневой стороной, лишь когда сама цивилизация оказывается в кризисе. Судя по многочисленным примерам, именно это сейчас и происходит. Трещины на социальной конструкции Нового времени углубляются, превращаясь в провалы и проемы. *Twin Peaks*, эти символические геркулесовы столпы Нового Света, оказались повержены в прах. И дело тут, кажется, не только в террористах: самолеты сбиваются и падают не только в результате тщательно спланированных и профессионально выполненных акций, но все чаще - в результате неразберихи и неумелости, дисфункций систем, утраты каких-то ключевых принципов управления сложным хозяйством цивилизации. Все это вместе взятое - свидетельство серьезного сбоя в господствующей системе управления, не справляющейся с новым качеством мира, не вполне соответствующей ему. А также деятельное утверждение, прорастание неких альтернативных организационных форм и принципов. В подобном столкновении, словно на ристалище, проверяется, кто более конкурентоспособен, за кем, попросту говоря, будущее. Причем основная структурная и функциональная оппозиция возникает в настоящее время между легальной, публичной властью: институциональной, централизованной схемой управления, и новой - неформальной, сетевой.

Явственнее становится неоднородный характер экономической среды, ее фактическая двухъярусность. Экономическая история последнего времени весьма неоднозначна. Наряду с вектором либерализации в XX в. проявилась тенденция слияния политических проблем с экономическими, стремление установить перманентный контроль над хозяйственной деятельностью,

реализовав в данной сфере тот или иной грандиозный управленческий проект. Методы при этом заметно различались: от явных, грубых форм администрирования, свойственных социалистической и корпоративной моделям государственности, до гораздо более гибких - проклюнувшихся в административных амбициях международных институтов развития, в системах глобального финансового контроля или в некоторых типологических особенностях современной генерации ТНК. Так, параллельно с витринным конфликтом прошлого столетия между «социализмом» и «капитализмом», развивался гораздо менее очевидный, но более универсальный процесс подавления и маргинализации экономического многоголосья, компрометации экономического либерализма, введения в эту область человеческой деятельности все более разнообразных «надстроек».

На этой же основе формируются сейчас модели глобальной налоговой системы и всемирной *currency board*, страхования национальных и региональных рисков, долгосрочного планирования динамики/географии ресурсных потоков, а также проекты конвертации виртуальных общепланетарных кредитов (образовавшихся на основе мировой резервной валюты) в реальные активы новых объектов собственности и последующего масштабного перераспределения основных фондов и т.п. Фактически, параллельно с возвышением Америки, на статус мировой империи в XXI в. может, кажется, претендовать и другой глобальный субъект, сформировавшийся на планете за последние годы, - транснациональный экономистичный универсум - Новый Север, результат транснационализации элит как прежнего Севера, так и Юга, превращения их в своеобразную интернациональную корпорацию - Новую Лапутанию. «Аналогия с империей в данном случае оправданна, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, - описывает создавшееся положение вещей хорошо разбирающейся в перипетиях финансово-экономического космоса интеллектуал-финансист Джордж Сорос. - Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели» [7].

Характер же этого геоэкономического социума все больше приближается к прозрачной формуле: то произведено, что продано, то капитал, что

котируется на рынке, а бытие определяется правом на кредит, неосвоенной пока что остается лишь завершающая логический круг теза: тот не человек, кто не налогоплательщик.

4. Сетевая культура

Распространение сетевых организаций и усиление их влияния - магистральная тенденция наших дней. По потенциалу управленческих кодов, по эффективности процедур эти социальные организмы выше привычных форм организационной культуры. Основной кирпичик последних - формальный институт, у сетевой организации - деятельная личность. Прежние институты базируются на формальной иерархии, штатном расписании, устойчивых ролевых функциях, стереотипизации процедур. Сетевая же организация основывается на концептуальном единстве, нефиксированном лидерстве, автономии частей, аутсорсинге, максимальном, персональном, разделении рисков. И выраженной креативности. Здесь царит полифония, подчас какофония индивидуальных проектов и групповых коалиций. Их основа - синергия миссии и личности. При этом подобная организация не столько озабочена формальной постановкой задач, сколько концептуальным лидерством, поэтому в области перспективного планирования, как правило, имеет место гибкое сочетание знания общего контекста и конкретного, проектного мышления.

Подобный тип организационной культуры лучше приспособлен к динамичному состоянию среды, где вместо непрерывной функции реализуются цепочки дискретных проектов. Сетевая культура расцветает на разломах, в момент кризиса или взлета. Проектная логика способна в этих непростых условиях минимизировать влияние долгосрочных, инерционных воздействий и связанных с ними принципиальных ошибок. Кроме того, сетевая организация, будучи принципиально абюрократичной, способна к чудесному качеству - преадаптации, то есть может схватывать на лету ту или иную тенденцию и готовить результат, для которого пока нет массового потребителя. Наконец, новая культура, подобно вирусам, может присутствовать во плоти прежних социальных организмов, в недрах которых прочерчиваются границы новоявленного «столкновения цивилизаций» - конфликта между централизованной иерархией и сетевой культурой, между администратором и творцом, между центростремительными и центробежными тенденциями.

В 1995 году в Сан-Франциско, в знаменитом отеле «Фермонт», состоялась встреча 500 ведущих политиков, предпринимателей, ученых планеты. В ходе одного из заседаний произошел примечательный диалог между Дэви-

дом Паккардом, одним из основателей империи Хьюлетт-Паккард, и Джоном Гэйджем, управляющим высшего звена уверенно развивающейся корпорации Сан-Майкросистемс. «Сколько служащих вам на самом деле нужно, Джон?», формулирует Паккард центральный в контексте данной темы вопрос. «Шесть, может быть - восемь», - отвечает Гейдж. Ведущий дискуссию профессор Рустум Рой обостряет ситуацию: «А сколько человек в настоящее время работает на Сан-системс?». Следует молниеносный ответ Гэйджа: «Шестнадцать тысяч. Но все они, кроме небольшого меньшинства, являются резервом для рационализации» [8, с. 7].

Наиболее эффективно и эффективно новые принципы управления реализуются в среде НПО - неправительственных организаций; к семейству сетевого сообщества примыкают также многие современные экономические организмы и констелляции. Среда эта весьма многомерна и эклектична: здесь и неформальные клубы различных уровней компетенции, и религиозные и квазирелигиозные сообщества, и разнообразные группы влияния, и такие международные организации, как, скажем, «Гринпис», «Эмнисти интернейшнл» или столь модное движение антиглобализма... Но одновременно к этой же типологии тяготеют разнообразные асоциальные и криминальные организации, наконец, - организации террористические, выстраивающие алгоритмы деятельности по собственным правилам игры. В результате в динамичном, меняющемся мире возникает новый класс угроз. Это борьба не только интеллекта, финансов, организационных принципов, технических возможностей и технологических решений, но также - борьба мировоззрений, кодекса поведения прежней цивилизации и социальной семантики новой культуры. Планету постепенно прочерчивает многоярусный *Undernet*, эксплуатирующий возможности для не ограниченных юридическими и моральными препонами форм деятельности легальных и иллегальных организаций, где неформальный стиль и гибкость подобных организмов оказываются существенным преимуществом.

В начале 2001 г. мне довелось участвовать в совещании по безопасности Центрально-Азиатского региона, где, в частности, обсуждалась ситуация с наркотрафиком, которая в привычной системе координат представляется практически безнадежной [9]. Почему? Дело во многом именно в организационной асимметрии государственных органов и криминальных кланов. Высокая степень обратной связи и персональное разделение рисков внутри наркокартелей серьезно повышает их эволюционные возможности, их адаптивность к меняющимся условиям среды и принимаемым мерам. Кроме того, финансовое сверх-благополучие этих организаций зиждется на других, не-

жели у конвенциональной экономики принципах, а щедрое использование ресурсов не понижает конкурентоспособность. В результате борьба с нарко-трафиком подчас напоминает усилия по локализации вирусных эпидемий, приводящие, в конечном счете, к возникновению более изощренных и жизнестойких форм этой напасти.

Контуры глобальной нестабильности проявляются также в феномене «диффузных войн» - происходит диффузия временных и пространственных границ военных и паравоенных конфликтов, их субъектов и объектов, средств и методов ведения боевых действий. В условиях трансформации миропорядка, когда «родовые признаки» прежнего цивилизационного контекста и государственности могут отсутствовать или быть ослаблены, современные военные системы становятся все менее эффективными, вспомним конфуз Америки в распавшемся на кланы Сомали или вязкость, зыбкость ситуации в Косово и Македонии, когда вектор активности смещался от конфронтации с Сербией на «Албанскую армию освобождения».

Существующие системы общественной безопасности, и, прежде всего, вооруженные силы, оказались настроенными на иную типологию угроз, в новых конфликтах их мощь, ориентированная на принцип эскалации (а не диверсификации), подчас уходит в песок. Они были созданы прежде всего для борьбы с системами нападения таких же государств или их коалиций. По крайней мере, - с агрессией отчетливо выраженных институтов, с чем-то, что, как минимум, имеет географически локализуемую институциональную структуру, имя, в конце концов. А против новых типологических субъектов эти системы оказываются гораздо менее эффективными.

5. За пределом конца истории

То, что произошло 11 сентября 2001г., меняет восприятие окружающего мира, но не сам мир. Дело даже не в том, что глобальная трансформация не осознавалась до «часа X» во всей своей полноте, - бюрократический механизм в принципе плохо приспособлен к преадаптации, то есть в данном случае к реальному противостоянию еще не реализовавшимся угрозам. Прикладная политология также привыкла рассуждать, по-своему приспособившись к логике административных структур, способных более-менее эффективно реагировать на угрозу лишь после ее реализации. Кроме того, из виду упускается, возможно, центральное обстоятельство - критическую роль сейчас играет не только совершенство процедур, но и статус личности, не только новые идеи, но и «старые» моральные и культурные ценности цивилизации. Профессор Йельского университета Пол Брекен в начале 2000г.

писал во влиятельном журнале «Foreign Affairs»: «Созданному Западом миру (уже) брошен вызов... в культурной и в философской сферах. Азия, которая стала утверждаться в экономическом плане в 60-70-х годах, утверждается сейчас также в военном аспекте» [10]. Выдвигая тезис о наступлении «второго ядерного века» - т.е. ядерного противостояния вне прежней, биполярной конфигурации мира - американский политолог характеризовал его следующим образом: «Баллистические ракеты, несущие обычные боеголовки или оружие массового поражения, наряду с другими аналогичными технологиями сейчас доступны, по крайней мере, десятку азиатских стран - от Израиля до Северной Кореи, и это представляет собой важный сдвиг в мировом балансе сил. Рост азиатской военной мощи возвещает о начале второго ядерного века...» [10].

Еще более резко сформулировал свою позицию Международный институт стратегических исследований (*IISS*) в докладе о тенденциях мировой политики. Его вывод: главную угрозу для человечества представляют сейчас региональные конфликты в Азии с участием ядерных держав, в результате чего человечество «балансирует на грани между миром и войной» [11].

Действительно, даже краткое перечисление основных субъектов азиатской военной мощи - Китай, Япония, Тайвань, Северная и Южная Корея, Вьетнам, Индия, Пакистан, Иран, Израиль, Армения, Турция, арабский мир - несмотря на неполноту и явную эклектичность списка, а может быть, именно вследствие этой эклектичности, заставляет лишний раз задуматься над степенью безопасности и конфигурацией глобальной системы XXI века. Проблема при ближайшем ее рассмотрении оказывается, однако, еще серьезнее. Геоэкономическому менталитету Запада противопоставлен цивилизационный вызов, включающий более свободное, нежели прежде, и что существенно - базирующееся на иной культурной платформе использование современных военных систем и различных форм оружия массового поражения. Человечество, по сути, вступает в эпоху «нецивилизованных войн» различной типологии и масштаба. Разработанные же ранее процедуры сдерживания, основанные на применении «оружия Судного Дня», и соответствующие системы безопасности явно или неявно ориентировались на вполне определенную систему ценностей и стереотипы поведения.

Мир столкнулся с активным проявлением новой психологии, с интенсивным процессом социального творчества, со сменой социальных и культурных ожиданий. Гибкость и неподконтрольность, принципиальная непубличность действий новой транснациональной и неформальной элиты, все более набирающей вес, но при этом не нуждающейся в институализации

своих социальных претензий (по крайней мере, в прежнем смысле этого понятия), проявляется во внешней иррациональности, анонимности, даже эзотеричности семантики актуальных социальных связей. Новые субъекты этих отношений, действующие поверх прежних социальных конструкций, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона и прямом пренебрежении им, гегемонизме, терроризме. Однако они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и демократии, утрачивающие прежнее значение и приобретающие черты маргинальности в меняющейся социальной среде.

В зыбкой, турбулентной среде Нового мира цивилизация либо сможет удержать свои идеалы и начала, обретя новую кожу, либо растворится в пространстве иного порядка вещей. Перейдя из мира, совершавшего чудовищные ошибки, но стремившегося вознести цену человека, к многолюдному обществу, где человеческая жизнь будет цениться дешевле, чем на невольничьих рынках древности, - она просто не будет стоить ничего.

Источники и литература

1. *Печчеи А.* Вызов 70-х годов современному миру // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997.
2. Подробную библиографию зарубежных работ по данной проблематике см. в статьях автора «Осмысление Нового мира», Восток, № 4, 2000. «A la carte», Полис, №4, 2001.
3. Подробнее см.: Неклесса А.И.. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Восток. №1, 2002.
4. Независимая газета. 15.11.2001.
5. *Andrew J. Bacevich.* Who will Serve? // The Wilson Quarterly. Цит. по переводу, опубликованному в журнале «Интеллектуальный Форум». №6, 2001.
6. Цит. по журналу «ВИЕТ». №1, 1998.
7. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999, с.114. См. также Wittfogel K.A.. Die orientalische Despotie. Eine vergleichende Untersuchung totaler Macht. Koln-Berlin, 1962.
8. *Мартин Г.-П., Шуман Г.* Западня глобализации. Атака на демократию и на процветание. М., 1999.
9. Отчет о Бишкекской встрече, на которой в феврале 2001г. обсуждалась тема «Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности», см. в журнале «Восток» (Oriens), №5, 2001.
10. Foreign Affairs. January-February 2000.
11. Коммерсант. 05.05.2000.

ԿԱՌԱՎԱՐՎՈՂ ՔԱՈՍ

դեպի միջազգային կապերի ոչ ստացիոնար համակարգ

Ալեքսանդր Նեկլեսաս

Ամփոփագիր

Հոդվածում քննարկվում է արդի միջազգային հարաբերություններում և քաղաքակրթական գործընթացներում նոր իրողությունների և համակարգերի ձևավորումը: Նշվում է, որ միջազգային հարաբերությունների ներկա հետվեստֆալյան ժամանակաշրջանին, ավանդական ազգ-պետությունների ազդեցության նվազման հետ մեկտեղ, բնորոշագրական է նոր, բնույթով՝ վերազգային, կառուցվածքով՝ ցանցային համաշխարհային կառավարման մարմինների ձևավորումը: Միևնույն ժամանակ այդ գործընթացներն ընթանում են տարածաշրջանային հակամարտությունների ուժեղացման ֆոնի վրա, միջուկային դարաշրջանին բնորոշ հիմնախնդիրներով: Ավելին, այս հակամարտությունները միտումներ ունեն ոչ թե հանգուցալուծվելու, այլ շարունակաբար ընթանալու՝ մերթ ակտիվ, մերթ պասիվ վիճակում: Այդ «կառավարվող քառսի» իրավիճակը հղի է նոր վտանգներով և մարտահրավերներով:

Բացառված չէ, որ ներկայում ընթանում է նոր քաղաքակրթական այլընտրանքի ծնունդը, և այդ պարագայում այն, ինչ կատարվում է այժմ, կարելի է ընդունել որպես քաղաքակրթությունների ուղղահայաց բախում: Այլ խոսքով՝ Ֆուկույամայի «պատմության ավարտի» լավատեսական կամ Հանթինգտոնի «քաղաքակրթությունների բախման» հոռետեսական սցենարների փոխարեն ձևավորվում է մի նոր աշխարհ՝ իր արժեքային համակարգով, օրենքներով, մշակութային լեզվով և սոցիալական կեցության տրամաբանությամբ: